
студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—924

Олег Тихомиров

Случай на охоте

Художник Б. Игнатьев

Серёжин дядя—бывалый охотник. Когда он приходит, в доме становится шумно и тесно. Голос у дяди зычный, седые волосы торчат ёжиком. А когда он двигается—в буфете звенит посуда.

Серёжа знает, о чём спросить гостя. «Дядь Миш, а на охоту вы больше не ездили?» — «Ездил...» — «Расскажите!» А дядя и рад. Рассказывать он мастер.

Сколько раз просил Серёжа, чтобы взял его дядя на охоту. «Успеешь,—говорил дядя,—подрасти немного, тогда...» Серёжа ненавидел это «тогда». Ну почему не сейчас? Ведь ему уже тринадцать!

Но однажды дядин приятель, тоже охотник, которого все звали Петровичем, сказал: «А что — возьмём. У тебя ж, Михал Михалыч, есть второе ружьё. Неужто жаль для племянника?»

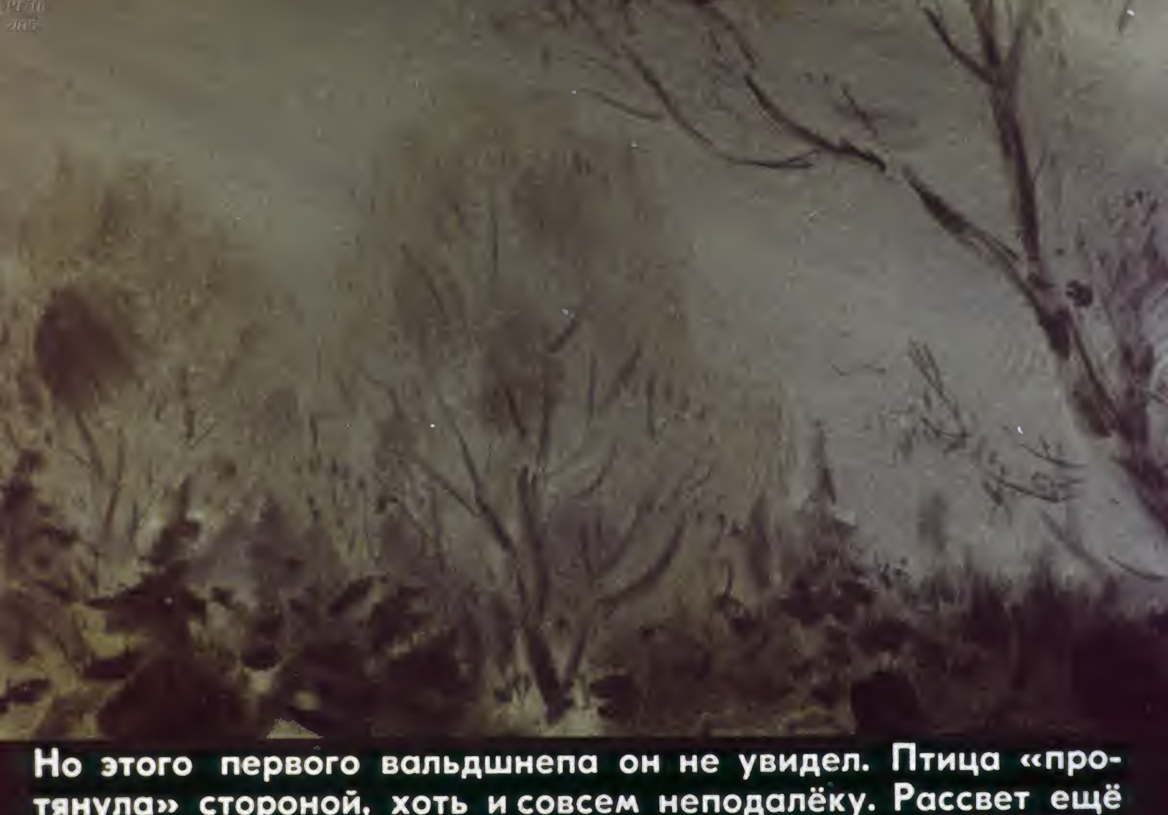
И вот они едут в поезде. Везёт их к месту охоты Вася — долговязый хмурый парень. Как вошли в вагон, Вася сразу завалился на верхнюю полку.

В деревне заночевали у родственников Васи. А утром, ещё затемно, двинулись к старым вырубкам на вальдшнеповую тягу. Впереди с фонариком Петрович, за ним Вася, потом Серёжка и замыкал цепочку дядя.

Через некоторое время, когда Серёжа уже стоял с ружьём возле маленьких ёлочек, где-то сбоку послышались мягкие, перекатывающиеся звуки: «Хор...хор...хор...» Вальдшнеп! Серёжка замер. «Вот оно! Началось!»

Но этого первого вальдшнепа он не увидел. Птица «протянула» стороной, хоть и совсем неподалёку. Рассвет ещё только начинался, попробуй тут что разгляди.

Резко ударил выстрел. Серёжке стало жарко. Кто стрелял? Дядя или Петрович? Выстрел был один, а у них двустволки. Значит, попали? Хотелось крикнуть: «Ну как, есть?» Но кричать на охоте нельзя... Серёжка вслушивался ещё напряжённее.

Пробуждались птицы, их гомон мешал. Совсем рядом две пичуги принялись так громко пересвистываться, будто хотели всех заглушить. «Как бы их спугнуть?» — подумал Серёжка.

Он стал искать ветку или коряжку — чтобы швырнуть в кусты.
И вдруг послышалось пока ещё слабое «хор...хор...хор...».

Серёжка поглядел в ту сторону, и тут же красно-жёлтая вспышка сверкнула из тёмных кустов. Грохот выстрела. Опять вспышка. И снова грохот...

Бил Вася. Два выстрела. «Может, не попал?» — подумал Серёжка. Вернуться к своему месту, где осталось ружьё, он не успел: прямо над ним пролетел вальдшнеп. Птица была напугана, уже не «хоркала», летела быстро.

Вряд ли Серёжка попал бы в неё. Но всё равно он огорчился, что не стрельнул. «Дурак,—ругал он себя,—стоял бы на своём месте!»

Потом было много выстрелов. Серёжка и сам стрельнул несколько раз. Промахнулся, но всё равно был доволен: вот и он стал охотником!

Тем временем совсем рассвело. Через кусты с треском продрался Вася. К его ремню была подвешена птица с длинным прямым клювом. «Один?» — спросил Серёжка. Глаза его так и блеснули.

«Один. Другого не нашёл... Пошли, охоты больше не будет». Коротка вальдшнеповая тяга: она бывает лишь после захода солнца или рано утром, когда только-только начинает брезжить... Но Серёжке уходить не хотелось.

Он попытался поискать Васиного вальдшнепа, да сколько ни шарил в кустах, найти не сумел. Потом услышал голоса и, решив, что и в самом деле «охоты больше не будет», пошёл на них.

Охотников он увидел ещё издали. Петрович доставал свёрток с «харчем», Вася тащил хворост, а дядя набивал патронами патронташ. «Вот пострелял! — подумал Серёжка. — Даже патронташ пустой!»

И в это время так близко, так отчётливо раздалось: «Хор... хор...хор...» Серёжка стал отчаянно вертеть головой: где же вальдшнеп? И только увидел летящую птицу — ударил выстрел.

Вальдшнеп дёрнулся. Ровный полёт его прервался, и птица пошла, пошла, потянула книзу.

Стрелял дядя. Петрович успел лишь вскочить, но ружья под рукой не оказалось. Все смотрели в сторону Серёжки, потому что вальдшнеп заваливался прямо на него.

Серёжка метнулся к вальдшнепу и вдруг остановился. Птица была подранена. Волоча повисшее, с рыжеватинкой, крыло, оставляя красные пятнышки крови, она пыталась уйти от человека, спастись.

Острое, горькое чувство вдруг охватило Серёжку. Ему захотелось взять эту птицу, осторожно сложить ей крылья, выправить перебитый клюв. Чтоб всё срослось, всё зажило, чтоб птица стала, как прежде, свободной и сильной.

«Эй! — кричали ему охотники. — Чего ты там? Иди скорей». Они понимали, что он нашёл вальдшнепа.

Серёжка стоял. Не знал, что крикнуть в ответ. Не знал, как быть. «Он... — сказал Серёжка про вальдшнепа, — он...» — «Уйдёт!»—крикнул, догадавшись, Петрович и бросился к Серёжке.

Вальдшнеп словно понял, что этот человек бежит за ним. Собрав последние силы, птица замахала здоровым крылом и сделала несколько шажков... Ближе, ближе кусты. Нырнуть в них скорее, укрыться!

Но человек подбежал и наступил на птицу ногой...

«Пошли, сейчас чаёк заварим!» — сказал Петрович. Словно во сне двинулся за ним Серёжка. Он перешагивал через кочки и пни. Но, казалось, это не он, Серёжка, перешагивает, а только ноги его. Сами по себе.

А в голове засело лишь одно: так легко, так привычно расправился этот милый Петрович с птицей...

«Держи, Михал Михалыч, трофей», — сказал Петрович и кинул вальдшнепа к ногам дяди. Широкая улыбка разлилась на дядином лице. Такая славная улыбка. Такая добрая.

«Как же это?—думал Серёжка.—Как же это так?»

«Ну, охотничек,—проговорил дядя,—как делишки? Что невесел? Ничего, ничего. На первый раз все с пустыми руками приходят. А пока возьми этого, пусть твоим будет».

«Не нужно мне...» — «Бери, бери. Свои люди — сочтёмся». — «Не нужно», — Серёжка отступил на шаг. «Гордый, — сказал Петрович. — Ишь, самому подстрелить не терпится!»

У Серёжки перед глазами всё плыло... «Домой,—думал он,— скорей бы домой!»

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-019-85